

ПЛАТА ЗА ЛЕС

© WWF-Canon / Chris Martin BAHF

Б. Гарднер, сопредседатель Лесного диалога Международной организации парламентариев за сбалансированную окружающую среду (GLOBE)

Решить проблему изменения климата невозможно, если процесс обезлесения продолжится. Ежегодно площадь лесов заметно сокращается. Это происходит по разным причинам, например из-за трансформации лесных земель в земли сельскохозяйственного пользования, легальных и нелегальных рубок с целью получения коммерческой древесины и дров, выпаса скота, создания плантаций для получения пальмового масла, роста численности населения, развития инфраструктуры. Вследствие ежегодного сведения лесных земель количество выбрасываемых в атмосферу парниковых газов увеличивается на 20 %. Положительным результатом Конференции ООН по изменению климата (Бали, декабрь 2007 г.) явилось также признание необходимости сокращения эмиссий парниковых газов путем борьбы с деградацией лесов и обезлесением как одной из мер борьбы с изменением климата на период после 2012 г.

Решением Конференции признана необходимость создания для развивающихся стран финансовых стимулов сокращения темпа обезлесения (предоставление им компенсации за упущенную прибыль при сохранении лесных земель). Согласно предложенной методике определяется средняя скорость обезлесения в прошлом, эти данные экстраполируются на будущее с учетом постепенного сокращения темпа обезлесения в течение нескольких десятилетий. Любое отклонение в положительную сторону от этой прогнозной информации учитывается как «предотвращение обезлесения» и поощряется углеродными кредитами, ставшими предметом торговли. Хорошо, если модель, предложенная

Рамочной конвенции ООН об изменении климата (далее — РКИК), политически и технически верна, а если нет? Тогда мировое сообщество упустит уникальную возможность использовать этот ключевой элемент в решении проблемы глобального изменения климата. В процессе переговоров необходимо продолжать изучение этой модели, а если в ней обнаружатся серьезные недостатки, иметь мужество признать их и пересмотреть ключевые принципы.

Предотвращение обезлесения вычисляется исходя из теоретических предпосылок. На точность этих предпосылок может повлиять низкое качество космических снимков прошлых лет. Еще более существенный недостаток — это темп обезлесения, вычисленный теоретически и являющийся предметом субъективной интерпретации. Совершенно обоснованно возникают споры о том, за какой исторический период необходимо собрать данные, требуемые для вычисления и экстраполяции темпа обезлесения. Страны могут и будут возражать, если временной период, за который собираются данные для определения среднего темпа обезлесения, будет отличаться от такового у соседних государств, в то время как у соседей в этот период были заведомо отличающиеся показатели прироста численности населения и экономического развития — подобные вычисления в таком случае теряют всякий смысл. В подтверждение стоит только вспомнить выбор 1990 г. в качестве базового для Киотского протокола, что привело к возникновению у России беспрецедентных избытков карбоновых квот и к отказу ратификации этого договора США. Даже если в прошлом показатели у разных развивающихся лесных держав были на одном уровне, предлагаемая методика совершенно не учитывает потенциальных изменений. Это означает, что данный метод с течением времени от момента его принятия приводит ко все более и более неправомерным результатам. Признание необходимости периодического проведения переговоров по

корректировке показателей темпа обезлесения является лишь признанием изначальной ущербности этой методики.

Соглашаясь с необходимостью совершенствования технических аспектов существующей методики, следует обратиться к ее сути на региональном уровне. Существует фундаментальная проблема отрицательного стимула: принятие мировым сообществом системы платежей за предотвращение обезлесения автоматически стимулирует развивающиеся лесные державы *увеличивать* объемы вырубki лесов в настоящее время. Тем самым они ускоряют прогнозируемый темп обезлесения и выигрывают от гипотетических потерь по его сокращению. Искусственно завышая показатели предотвращения обезлесения, государства получат дополнительные доходы за деятельность, которую они осуществляли бы в любом случае. Другая проблема — страны, в которых темп обезлесения исторически невысок, не будут вовлечены в систему платежей тем странам, которые в прошлом не берегли свои леса, т. е. страны, которые стремились сохранить леса, получат меньше всего преимуществ.

Тем не менее самым серьезным недостатком предлагаемой в настоящее время системы оплаты за предотвращение обезлесения является, пожалуй, то, что она не понятна среднему избирателю. Общественность и без того настороженно относится к торговле углеродными кредитами. Многие считают, что она больше похожа на инструмент развития финансовых рынков, чем на механизм помощи планете. Любой политик, предлагающий отдать миллионы долларов другим странам не за нечто вещественное, а за что-то неосознаваемое (за что-то, что *не было сделано*), измеряемое теоретически исчисленным показателем, на выборах обречен на провал!

Избиратели не думают о лесах в терминах глобальной общественной ценности, но знают, что леса помогают решить проблему глобального изменения климата, что они полезны и их площадь должна быть больше. Если в РККИК отмечена необходимость того, что избиратели по всему миру должны убедить правительства вкладывать средства в эту область, то надо придумать такую систему, которая поощряла бы позитивную, а не негативную деятельность, а также чтобы средства вкладывались в реальные, а не в гипотетические результаты.

Политики должны заняться регулированием торговых отношений для использования финансовых рынков в деле сохранения лесов, а не разработкой законодательства, по которому леса будут обеспечивать благополучие финансовых рынков. Это означает, что вместо платы за предотвращение обезлесения необходимо создать рыночный механизм, который позволит платить за лес — за реальный осознанный лес. Такой рыночный механизм должен быть достаточно практичным, чтобы поощрять нужную всем деятельность, такую

как посадку лесов и восстановление утраченных, а также способным предотвратить разрушение еще существующих лесов.

Основной идеей этого рыночного механизма будет сохранение растущих деревьев, окружающей среды, которую они создают, и других экологических полезностей. Растущее дерево приносит много другой пользы, кроме поглощения углерода, который в ином случае попал бы в атмосферу. Взрослые деревья в значительной степени регулируют климат, испаряя влагу в атмосферу, выполняют важную почвозащитную функцию, предохраняя почву от эрозии, создают среду обитания огромному количеству живых организмов, сохраняя биоразнообразие, обеспечивают топливом и строительными материалами, ценными веществами для фармацевтической промышленности и др.

© WWF-Canon / Edward PARKER

Нужно учитывать, что большинство тропических лиственных пород достигает зрелости не ранее 80 лет

цветоческой промышленности и др.

Тем не менее нужно учитывать, что большинство тропических лиственных пород достигает зрелости не ранее 80 лет, а восстановление лесного полога занимает около 120 лет. Если рыночный механизм нацелен на сохранение деревьев, то он должен охватывать весь их жизненный цикл.

Каким образом может работать подобный рыночный механизм, ориентированный на сохранение деревьев? Посредством него надо создавать финансовые стимулы, которые охватят более чем 100-летний цикл. Ежегодно следует устанавливать общую площадь лесных насаждений страны и за каждый процент площади сохраненных лесов начислять кредиты. Это означает, что на протяжении всего цикла роста дерева кредиты будут начислены за всю территорию сохраненных лесов. Данная мера также позволит избежать переполнения рынка углеродом и позволит создать прямую позитивную связь между ле-

сом и кредитами, которыми вознаграждается его сохранение. Увеличение темпа обезлесения приведет к сокращению вознаграждения на следующий год, а разведение лесов или сокращение темпа обезлесения — к большему вознаграждению.

Кредиты также можно будет продавать или использовать, однако важно предусмотреть меры предотвращения дисбаланса на рынке. Для того чтобы объем кредитов на рынке не превысил соответствующую общую площадь лесов, их следует использовать в течение 10 лет. Тем самым каждый год объем кредитов будет соответствовать покрытой лесом площади. Для развитых стран углеродные эмиссии будут дорожать при сокращении площади лесных земель и, напротив, становиться доступнее при их расширении. Таким образом, рынок будет работать на лес, а не наоборот.

При использовании этой модели правом предоставления кредитов наделяются суверенные государства. Для создания устойчивого финансового потока правительство будет вы-

нужно сотрудничать с частными землевладельцами, региональными органами власти, коренным населением и стимулировать их заинтересованность. Поэтому властям необходимо научиться делегировать права реализации этих кредитов данным группам в обмен на соответствующую плату. Для сохранения государственного суверенитета этот процесс должен регулироваться национальным законодательством, а не международным. Соответственно при использовании данной модели страны, которые продолжают вырубать свои леса вместо того, чтобы получать доход от их сохранения, останутся без поддержки в течение 100 лет! В случае сокращения площади лесов до определенной критической величины размер кредита также может быть сокращен.

Логика модели, заложенной в Киотский протокол, заключается в том, чтобы позволить сторонам сократить эмиссии углерода наименее затратным образом. Стоимость сокращения выбросов углерода для разных стран различна, несмотря на то, что польза для планеты одинакова, независимо от страны, на территории которой связывается углерод. Это неоднократно подчеркивалось трюизмом: «Тонна углерода есть тонна углерода». Вот почему углеродный рынок всегда работал по этому принципу. Мы предлагаем его пересмотреть для достижения дополнительных экологических целей.

Организация рынков углерода является частью мер, предпринимаемых международным сообществом по борьбе с глобальным изменением климата. Но изменение климата часто воспринимается в отрыве от экологического контекста. Необходимо помнить, что само по себе изменение климата не имеет значения, *если* биологические виды успевают адаптироваться к нему. Изменение климата становится проблемой тогда, когда виды не успевают приспосабливаться к изменениям и биоразнообразию стремительно сокращается. Согласно данным программы «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» сейчас виды вымирают в 1000 раз быстрее, чем в другие периоды истории Земли. Такая деградация биоразнообразия приводит к деградации свойств экосистем, от которых зависит жизнь людей. Именно этим и обоснована острота проблемы изменения климата: сохранение биоразнообразия и экосистем жизненно необходимо для человечества. Следовательно, нужно создавать такие рыночные механизмы, которые отвечали бы целям сохранения биоразнообразия и качества экосистем, а не были бы направлены лишь на сокращение выбросов углерода.

В первую очередь следует признать, что, хотя Киотский принцип «один за один» вполне логичен и рационален, его использование не всегда оптимально для формирования рынка. Существует мнение, что, поскольку на рынок после 2012 г. будут выведены миллионы тонн углерода в виде растущего леса, надо создать эффект рычага. Страны, которые хотят сохранить право выбрасывать в атмосферу углерод, должны заплатить за связывание двух или даже четырех тонн углерода взамен на право выбросить в атмосферу одну. Если мы будем регулировать рынок углерода таким образом, то у стран не будет стимула сохранять именно места обитания редких и исчезающих видов, поскольку связать две или даже четыре тонны углерода можно будет каким угодно лесом. Важность сохранения лесов, необходимых для выживания редких и исчезающих видов, будет понята и признана правительствами, если рынок углерода сформировать так, что сохранение особо важных для планеты лесов будет оценено выше. Подобный механизм дополнительного стимулирования можно разработать и для других категорий лесов, имеющих большое значение, например для лесов водоохраных зон или выполняющих почвозащитную функцию.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее:

- проблема изменения климата неразрывно связана с проблемой обезлесения;
- решение об учете лесных площадей, принятое для пост-киотского периода, принципиально важно и его нельзя утратить;
- существующая модель предотвращения обезлесения технически, стратегически и политически ущербна;
- платить нужно за осязаемое, а не за гипотетическое;
- рынок углерода должен быть организован так, чтобы он работал на лес, а не наоборот;
- углеродные кредиты надо тесно увязать с площадью лесов;
- структуру рынка следует коренным образом изменить, чтобы он способствовал сохранению жизненно важных функций экосистем.

Многие специалисты и организации потратили массу времени и усилий на создание различных моделей инкорпорирующих лесное хозяйство в рынок углерода. Эти модели требуют самого пристального внимания. Любой человек будет только рад, если кто-то предложит модель лучше и эффективнее. В конце концов, успех должен определяться не тем, чья модель будет признана наиболее успешной, а тем, сколько лесов планеты нам удастся сохранить.

